

Д. Ф. КОБЕКО

Екатерина II и Даламбер

(Новооткрытая переписка Даламбера
с Екатериною и другими лицами)

Со времени прибытия своего в Россию до вступления на престол Екатерина II прилагала особенное старание к самообразованию. Она ознакомилась с лучшими сочинениями иностранных писателей и, следуя направлению века, увлекалась произведениями той группы французских литературных деятелей, которая известна под именем энциклопедистов. Своим государственным умом она ранее многих поняла, что эта литературная партия представляла силу, которую следовало привлечь на свою сторону и которою должно было воспользоваться, и соответственно этому начертала себе план действий. Плану этому она следовала неуклонно в течение первой половины своего царствования.

Немедленно по воцарении, она сделала в этом направлении шаг, который хотя и не увенчался успехом, но тем не менее стяжал ей громкие хвалы энциклопедистов. Воспитателем к своему сыну и наследнику, восьмилетнему цесаревичу Павлу Петровичу, она пригласила Даламбера.

Первоначальные, если можно так выразиться, официозные, предложения сделаны были Даламберу чрез посредство двух проживавших в Петербурге иностранцев, Одара и Пиктэ*.

Одар (Michel Odar) происхождением из Шэмонта, прибыл в Россию при Елизавете Петровне и благодаря покровительству канцлера Воронцова получил чин надворного советника и долж-

* Биографические сведения об этих лицах сообщены уже были мною в статье «Из истории французской колонии в России» (ЖМНП. 1883). Здесь они являются пополненными, ибо кроме источников, указанных в примечаниях, я воспользовался донесениями французских дипломатических агентов в Петербурге, хранящимися в архиве Рус. ист. общества.

ность советника в коммерц-коллегии*. Затем племянница Воронцова, княгиня Е. Р. Дашкова, которой Одар сделался необходимым своими литературными познаниями, исходатайствовала ему место управляющего небольшою дачею, которою владела великая княгиня Екатерина Алексеевна.

«Одар беден, и мне кажется, что ему надоело быть бедным», — так характеризовал его французский посланник барон Бретель. Отсюда проистекли побуждения, заставившие его принять участие в заговоре против Петра III. Все современники единогласно свидетельствуют, что за деньги Одар готов был совершить всякое преступление. Он был посредником в переговорах между Екатериною и Бретелем, когда первая обратилась к Бретелю о ссуде ей 60 000 руб. Привыкнув получать деньги от английского посланника Виллиамса, Екатерина, вероятно, рассчитывала на удовлетворение своей просьбы и на этот раз, но Бретель отказал ей в просимой ссуде, ссылаясь на недостаточность своих инструкций, и обещал лишь испросить на это разрешение короля. Но дело не терпело отсрочки, и государственный переворот 28 июня 1762 года совершился на этот раз без помощи французских денег. Одар наблюдал за всеми участниками в заговоре, расточал им разные обещания**, хранил в своей квартире манифест о вступлении на престол Екатерины, и в самый день переворота сопровождал ее в походе в Петергоф. Во всяком случае, участие его в этом деле было довольно значительно, хотя княгиня Дашкова, приписывавшая себе успех предприятия, утверждает, что в последние три дня¹ до переворота Одар принимал в нем так мало участия, что находился за городом у графа А. С. Строганова. Деятельность его, кажется, довольно верно характеризовал тогдашний австрийский посланник Мерси д'Аржанто², говоря, что он был секретарем заговора.

Затем Одар поступил на службу в кабинет императрицы, ее библиотекарем, и после кратковременной отлучки в Италию вернулся в Россию. Сохранилось известие, что он был доносителем

* В Гос. архиве (д. 1761 г., XIX, 290) хранятся две записки Одара: 1) *Mémoire sur le commerce de Russie*, à M. Le procureur général le 26 juin 1761 и письмо его к княгине Дашковой, при котором послана была ей записка и 2) *Sentiment du conseiller de la cour Odar sur le Reglement qu'on prétent établir, relativement à la saisie (en cas de faillite) des effets envoyés en commission pour l'étranger*, le 3 decembre 1761. Первая из этих записок напечатана без имени автора Бюшингом в «*Magazin für die Historie und Geographie*» (Halle) (1777. XI. 439—464).

** Ср.: Bernardin de St. Pierre III в его «*Oeuvres postumes*» (Paris, 1839. P. 51).

лем на Хитрово и других лиц, составивших заговор против Екатерины, в бытность ее, в 1763 году, после коронации, в Москве³. В награду за эту услугу он, отказавшись от всяких отличий, потребовал денег.

После этого указами 8 декабря 1763 и 31 марта 1764 годов Одар назначен был членом комиссии для рассмотрения коммерции российского государства и особого при ней собрания для рассмотрения проектов, касающихся до торговли, и был употребляем для составления соображений по предполагавшемуся торговому трактату с Англиею. В том же 1764 году он оставил Россию*, вернулся на родину и умер в Ницце около 1773 года от удара молнии.

Другая личность, принявшая участие в переписке о приглашении Даламбера в Россию, женевец Пиктэ (Pictet de Warembe)⁴ был своим человеком у Вольтера, который, вследствие его большого роста, называл его «великаном». Он принадлежал к труппе любителей, разыгрывавших пьесы Вольтера на его домашнем театре в Делисах. Там же познакомился он и с Даламбером, проводившим в гостях у Вольтера август 1756 года.

Первоначально Пиктэ поступил к графу А. Р. Воронцову, при котором был в качестве секретаря, а затем, незадолго до переворота 28 июня 1762 года, приехал в Россию. Однажды гулял он в саду летнего дворца, когда пришел туда император Петр III, в сопровождении свиты и адъютантов. Пиктэ прошел мимо императора, не снял шляпы и даже не посторонился. Император, которому он нагло смотрел в глаза, спросил окружавших, что это за человек? Никто не знал его. Когда он отошел на некоторое расстояние, Петр послал флигель-адъютанта остановить его и спросить, кто он такой? Тот, все еще не снимая шляпы, отвечал, что он француз. Тогда Петр сказал: «Вот какой негодный француз зашел к нам в сад» и приказал адъютанту дать ему 20 фухтелей и сказать: «Так его величество учит вежливости невоспитанных французов» и чтоб он сейчас убирался из сада.

После падения Петра III первое явившееся сочинение о перевороте было помещенное в парижском «Journal Encyclopédique» 1 ноября 1762 года** анонимное письмо одного иностран-

* Соловьев. История России. Т. XXVI. С. 118.

** Т. VII. 3-me partie. P. 122—131. Еще ранее этого в том же журнале 1762 г. (Т. VI. 1-re partie. P. 145—151; Т. VII. 2-me partie. P. 140—152; 3-me partie. P. 141—149) помещены были в отделе «Nouvelles politiques» (без подписи) те три письма Пиктэ из Петербурга, которые г. Бартенев недавно перепечатал в «Архиве кн. Воронцова» (Кн. XXIX. С. 159—170).

ца к своему другу, которому он рассказывает, как очевидец, это событие и осуждает павшего императора. Письмо это написал к Вольтеру «длинный, худой и косой» Пиктэ, чрез которого и началась затем переписка Екатерины с Вольтером.

Какую именно должность занимал в 1762 году Пиктэ в Петербурге, мы сказать не можем; впоследствии же он сделался французским учителем у графа Г. Г. Орлова и состоял в канцелярии опекунов иностранных колонистов, которой Орлов был президентом. В 1765 году он отправлен был во Францию для приглашения французских переселенцев, но, по возвращении оттуда, в мае того же года, был уличен в контрабанде и хотя Екатерина, помня прежние его услуги, смягчила следовавшее ему наказание, но он должен был покинуть Россию*. Дальнейшая судьба Пиктэ не вполне ясна. В 1785—1794 годах он проживал в Лондоне, где занимался литературными трудами.

Эти краткие сведения об Одаре и Пиктэ показывают, что они принадлежали к числу тех полуавантюристов, которые во множестве начали являться в Россию, еще со времени Елизаветы Петровны. К совершенно иному роду людей принадлежало третье лицо, принявшее также участие в предварительной переписке о приглашении Даламбера в Россию, — Николаи.

Генрих Людвиг Николаи родился в Страсбурге и по окончании курса в тамошнем университете отправился в Париж, где посещал литературное общество девицы Леспинас, постоянными гостями которой были Даламбер и Дидро. Тут же познакомился он с князем Д. М. Голицыным. Назначенный в мае 1761 года послом в Вену, князь Голицын желал иметь при себе в качестве секретаря молодого человека, который соединял бы с хорошим происхождением общее научное образование и знание языков. Он остановился на Николаи, который принял его предложение. Пробыв в Вене два года, Николаи в 1763 году возвратился на родину, где остался недолго, и совершил путешествие по Франции. Вновь вернувшись в Страсбург, Николаи сделался профессором в тамошнем университете, куда поступили сыновья президента Петербургской академии наук графа К. Г. Разумовского. В 1766 году Разумовский пригласил Николаи воспитателем к своему сыну Алексею, с которым Николаи совершил путешествие по Европе и приехал в Россию в 1796 году.

* Из дел Гос. архива (1765 г., XIX, 298) видно, что в этой контрабанде участвовали еще два француза, Демаре и Леманьян. Последний был родственником Пиктэ. О нем см. в записках Бернардена де С. Пьера (*Oeuvres posthumes*. P. XIII и след.).

Еще в бытность свою за границею Николай получил от графа Н. И. Панина предложение принять участие при воспитании цесаревича Павла Петровича и с тех пор безотлучно состоял при нем во все время его великокняжества, а в царствование его занимал должность президента Академии наук. Совершенно отдавшись новому своему отечеству, Николай умер в глубокой старости, снискав общее к себе уважение.

На первоначальные предложения приехать в Россию, сделанные Даламберу чрез Одара и поддержанные чрез Пиктэ, Даламбер отвечал отказом, но это дало повод самой императрице написать ему, в ноябре 1762 года, письмо, пересланное Даламберу Паниным и тотчас же повсюду оглашенное, в котором она, между прочим, утверждает, что воспитание сына так близко ее сердцу и Даламбер так ей нужен, что, быть может, она слишком настаивает на своем предложении и приглашает его приехать в Россию со всеми его друзьями *. Несмотря, однако, и на это письмо и на все выгодные условия, предложенные ему чрез русского посланника в Париже, С. В. Салтыкова⁵, Даламбер решительно отказался от предложенной ему чести.

Трудно сказать, мог ли бы Даламбер быть пригоден к делу воспитания наследника русского престола. Сам он, по-видимому, не очень серьезно смотрел на сделанное ему предложение и шутливо писал Вольтеру: «знаете ли вы, что мне предложили, хотя я и не имею чести быть иезуитом, воспитание великого князя в России. Но я очень подвержен геморoidalным коликам, а они слишком опасны в этой стране». Литературный враг Даламбера, Ж.-Ж. Руссо, находил, что, отказываясь от этого приглашения, Даламбер поступил хорошо, потому что он не сделал бы из Павла Петровича ни завоевателя, ни мудреца, а сделал бы только арлекина. Как ни резко это мнение Руссо, но в тогдашнем французском обществе многие выражали сомнение в пригодности Даламбера к педагогической деятельности. «Даламбер — это Диоген, которого следует оставить в его бочке», — записал в своем дневнике литературный хроникер того времени Башомон, повторяя, вероятно, отзыв современного ему общества. Напротив того, некоторые из друзей Даламбера горячо советовали принять сделанное ему императрицею приглашение, указывая на его практические выгоды.

Несмотря на отказ Даламбера, ближайшая цель, которую, приглашая его, имела в виду Екатерина, была ею достигнута.

* Письмо это от 13 ноября 1762 г. было неоднократно напечатано и в последний раз в Сборнике ИРИО. Т. VII. С. 178.

Французская академия занесла в свои протоколы предложение, сделанное ее члену, Вольтер патетически поздравил своего друга, и газеты разнесли по всему свету весть об этом просвещенном действии Екатерины. Первый шаг по пути к популярности был сделан ею удачно, а что вызов Даламбера не был ни искренним, ни серьезным делом, видно из того, что, получив его отказ, Екатерина на этом успокоилась и не продолжала искать своему сыну другого воспитателя. В парижском литературном кругу распушен был слух, что Екатерина намеревалась обратиться с подобным же предложением или к Дидро, или к Мармонтелю, или к Сорену (Saurin), но ничего подобного не последовало.

Одновременно с предложением принять на себя воспитание цесаревича сделано было Даламберу, чрез И. И. Шувалова, другое предложение — перенести в Россию печатание Энциклопедии, которую он издавал вместе с Дидро и которая подверглась тогда запрещению во Франции. Предположение это также не осуществилось*.

Начатая таким образом переписка Екатерины с Даламбером продолжалась до 1767 года довольно деятельно, касаясь исключительно литературных предметов, трудов Даламбера и занятий Екатерины по сочинению наказа Комиссии об уложении.

Занимаясь составлением наказа, Екатерина встретила сомнение в том, действительно ли от накопления хороших правил, примененных на практике, произойдет хороший и полезный результат, и вопрос этот предложила Даламберу чрез посредство г-жи Жоффрен, с которою состояла также в переписке**.

Перечитывая письма Даламбера к императрице, нельзя не заметить, что в них слышна какая-то принужденность, торжественность и напыщенность. Он доказывает, декламирует, рассыпается в бесконечных выражениях уважения. Самый независимый из так называемых философов XVIII века похож на придворного, но придворного неловкого, неискусного; это доказывает, как несвойственна была ему подобная роль. Сколько известно, Екатерина не сделала ему никаких благодеяний, но он так неловко жалуется на свои денежные затруднения и хвалит императрицу за ее щедрость к Дидро, что как будто бы сам

* Письмо Шувалова к Дидро по тому же предмету от 20 августа 1762 года см. в «Correspondance de Grimm et le Diderot» (Paris, 1829. С. 184).

** Письмо 15 января 1766 года в Сборнике ИРИО (Т. I. С. 283) и письмо Даламбера к императрице от 11 августа 1766 года (Там же. Т. X. С. 131).

выпрашивает милостей. Дидро, помня оказанные ему благодеяния, навсегда остался горячим сторонником Екатерины; Вольтер поддерживал с нею переписку как потому, что это удовлетворяло его непомерному самолюбию, так и по расчету, сочиняя статьи по заказу русского правительства; для Даламбера не существовало этих побуждений, а вести чисто литературную переписку было для него совершенно бесцельно.

Вероятно, поэтому он и прекратил эту корреспонденцию и возобновил ее только в 1772 году по следующему поводу.

Преследуя польских конфедератов, русские войска заняли Краков и взяли в плен нескольких французских офицеров, служивших в польской армии. «Во имя философии» Даламбер обратился к Екатерине с просьбою об их освобождении, но получил в этом отказ; он повторил свою просьбу, но императрица осталась неумолимою, обещав только освободить пленников «в свое время» *.

Екатерина не сомневалась, что просьба Даламбера была ему внушена тогдашним французским министерством, и это повлияло, может быть, на ее решение, потому что отношения России к Франции были в то время натянуты **. Тем не менее Даламбер крайне оскорбился тем, что Екатерина, сообщив о своем отказе в его ходатайстве Вольтеру, прибавила, что ей хотелось написать Даламберу, что пленные французы нужны ей для введения в России изящных манер. Даламбер не без основания увидел в этих словах насмешку ***.

Впрочем, хотя императрица и отказала Даламберу, но тем не менее просьба его, кажется, повлияла на судьбу французских пленных. По крайней мере, один из них, Тесби де Белькур, рассказывает в своих записках о пребывании в России, что свобода объявлена была ему и его товарищам по ссылке в Тобольск, 24 сентября 1773 года, и что он не знал, кому обязан был своим освобождением, так как французский посланник в Петербурге, Дюран, к которому он обратился с просьбою о пособии уже по

* Письма эти напечатаны в XIII томе Сборника ИРИО.

** Письмо к Гримму 8 мая 1784 года (Сборник ИРИО. Т. XXIII. С. 303). Еще ранее Даламбера Вольтер предлагал герцогу Ришелье свое ходатайство за плененных французов, но под условием, что это будет одобрено французским правительством. Письма его в изд. Бешо (Т. 67. № 6347, 6349 и 6359).

*** Письмо Вольтера к Даламберу от 19 апреля 1773 года и ответ последнего 27 апреля. Письма его в изд. Бешо (Т. 68. № 6533 и 6542).

прибытии своем из Тобольска в Москву, ответил, что он не получал насчет его никаких инструкций*.

После обмена в 1772 году писем Екатерины и Даламбера переписка их прекратилась окончательно, и Даламбер стал чрезвычайно сдержан и холоден в отзывах своих об императрице. Скажем более, он сделался защитником турок и недругом России.

Быть может, на это повлияли и тесные сношения Даламбера с Фридрихом II, который также охладел к своей союзнице. Даламбер, много обязанный Фридриху, питал к нему глубокое уважение и, как не без иронии заметил один из лучших русских людей того времени, граф С. Р. Воронцов, «с тем умер, что нет государя добродетельнее, как король прусский»**.

Кроме непосредственной переписки с императрицею, Даламбер <...> был в корреспонденции с Бецким и графом Разумовским***. Сверх того, многие русские, посещавшие Париж, были в личных с ним сношениях.

Так, с ним знаком был граф А. Р. Воронцов****; в 1772 году посетил его бывший в Париже директор Академии наук граф В. Г. Орлов*****; в 1774 году — граф Чернышев^{6*}, а в 1778 году видался с ним известный фон-Визин. Выражаясь очень неблагоприятно о французском обществе вообще и о французских писателях в особенности, фон-Визин говорит, что «из всех ученых удивил меня Даламбер. Я воображал лицо важное, почтенное, а нашел премерзкую фигуру и преподленькую физиогномию»^{7*}. Наконец, в 1782 году посетил Даламбера цесаревич Павел Петрович, путешествовавший под именем графа Северного. Отдавая отчет об этом посещении, Даламбер писал, что Павел Петрович наговорил ему очень много любезного о желании, которое имели видеть его в Петербурге и о сожалении, которое в особенности он испытал, убедившись в невозможности этого.

* *Belcourt Thesby de. Relation d'un officier français pris par les Russes et relégué en Sibirie. Amsterdam, 1776. P. 156, 223 и 236.*

** Архив кн. Воронцова. Т. IX. С. 434.

*** Письмо Даламбера к Разумовскому см. у Васильчикова (Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. I. С. 328).

**** Письмо к нему Даламбера от 1 ноября 1764 года в «Архиве кн. Воронцова» (Т. XXIX. С. 299).

***** Биографический очерк графа В. Г. Орлова. СПб., 1878. Т. I. С. 256.

^{6*} Письмо Даламбера к Фридриху 12 апреля 1775 года (*Oeuvres de Frédéric. T. XXV. P. 10*).

^{7*} Сочинения. Изд. Ефремова. СПб., 1866. С. 440 и 447.

«Я очень тронут его сожалением, — прибавил Даламбер, — но вовсе не раскаиваюсь и даже, может быть, менее чем когда-либо» *.

Эти слова Даламбера показывают, насколько изменился его взгляд на деятельность императрицы Екатерины. Такая же перемена произошла, в свою очередь, и в ее мнении о Даламбере. Получив известие о его смерти (29 октября 1783 года), Екатерина писала Гримму: «Прискорбно, что Даламбер умер, не выдав и не читав нашего оправдания по делу о Крыме **; по крайней мере, следовало бы выслушать обе стороны и судить уже после того; вместо этого он говорил нам оскорбления; мне это неприятно, как и то малодушие, которое он выказал во время своей болезни; вероятно, силы телесные превозмогли силы душевные. Но эти люди часто судили иначе, чем они проповедовали; очень давно я была у него в немилости, и вы знаете, что нас поссорил Вольтер».

Прошло еще несколько лет, и над Франциею разразились ужасы практического применения тех начал, в теоретической разработке которых энциклопедисты принимали такое деятельное участие. Тогда Екатерина, забыв о покровительстве, которое она некогда оказывала им и их Энциклопедии, печатание которой предлагала перенести в Россию, писала Гримму, что она «ожидает от него оправдания в ее уме философов и их учеников в том, что они имели долю участия в революции и в Энциклопедии, ибо Гельвеций и Даламбер признавались оба Фридриху II, что в этой книге было два лишь предмета: первый, уничтожение христианской религии, второй, — уничтожение царской власти» ***.

* Письмо к Фридриху 21 июня 1782 (Oeuvres de Frédéric. T. XXV. P. 230).

** Манифест о присоединении Крыма к России состоялся 8 апреля 1783 года, но напечатан позднее и в немецком переводе явился в особом приложении к «St-Petersburger Zeitung» 21 июля 1783 года.

*** Сборник ИРИО. Т. XXIII. С. 308 и 622.